

Ихара
Сайкаку

**Пять женщин,
предавшихся
любви**

**История
любовных
похождений
одинокой
женщины**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
С 14

井原西鶴
好色五人女. 好色一代女

Перевод с японского
Евгении Пинус, Веры Марковой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

В оформлении издания использованы гравюры
Нисикавы Сукэнобу

ISBN 978-5-389-30476-5

© В. Н. Маркова (наследники), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Пять женщин,
предавшихся
любви

ПОВЕСТЬ О СЭЙДЗЮРО ИЗ ХИМЭДЗИ

Отличные камышовые шляпы
делают в Химэдзи!

Любовь и темную ночь превращает в страну дня

Весеннее море спокойно. На волнах, как на подушках, качаются богатые суда (не с ними ли приплывают и сны о богатстве?). Это Муроцу — большая шумная гавань.

Здесь, среди винокуров, есть некто по имени Идзуми Сэйдзаэмон. Дело его процветает, в доме ни в чем нет недостатка. К тому же его сын Сэйдзюро — красавец, красотой превосходит даже портрет известного кавалера давних времен. Все в Сэйдзюро нравилось женщинам, и едва исполнилось ему четырнадцать лет, как он вступил на путь любовных утех. Из семидесяти восьми веселых женщин в Муроцу не было ни одной, с которой он не свел бы короткого знакомства.

Амулетов с клятвами накопилось у него с тысячу связок; сорванные ногти уж не вмещаются в шкапулку; пряди черных волос свились в толстый жгут, каким можно укротить и ревнивую женщину. Письма, что доставляли ему каждый день, громоздились горой; дареные накидки с именными иероглифами, ненадеванные, валялись грудой.

Подарками этими утолила бы свою жадность и старуха с реки Сандзуногавы, и даже многоопытный старьевщик не сумел бы определить их ценность.

А Сэйдзюро свалил все это в кладовую, написав на ее дверях: «Кладовая любви».

За такое легкомыслие следовало ожидать расплаты. Люди качали головами и говорили: «Кончится тем, что он попадет в реестр лишенных наследства». Но ведь сойти с этой дороги трудно.

Между тем он сблизился с гетерой по имени Минагава. Их любовь не была обычной: друг для друга и жизни не пожалели бы. Осуждение, людские толки они ни во что не ставили; среди белого дня зажигали лампы, хотя их и лунной ночью глупо зажигать, задвигали все ставни и предавались веселью, устроив «страну вечной ночи».

Они собирали множество проворных шутов и заставляли их подражать колотушке ночного сторожа, пisku летучей мыши; посылали к воротам старуху, что прислуживает гетерам, варить чай для прохожих, а сами распевали непристойные куплеты на мотив буддийских заклинаний; совершали поминальный обряд перед памятными табличками предков со словами: «Это в помин Кюгоро, которого смерть не берет»; сжигая щетки, устраивали «прощальные огни» и так проводили ночи напролет.

Раз объявили они, что живут на «Острове голых», который якобы есть и на карте, заставили всех гетер, что с ними были, снять одежду и забавлялись смущением обнаженных.

Была среди них одна гетера высшего разряда, по имени Ёсидзаки. И вот увидели у нее ниже поясницы

белый лишай, который ей до сих пор удавалось скрывать. Сэйдзюро и Минагава распростерлись перед ней, уверяя, что она — живая богиня Бэдзайтэн, но вскоре их веселье пошло на убыль. Вид раздетых женщин им опротивел. Они охладели к этой забаве, и у них пропал всякий интерес к ней.

И тут в дом нагрянул отец Сэйдзюро, гнев которого дошел до предела. Вот она — неожиданная гроза!

Уже не было времени скрыть следы распутства. Сэйдзюро пытался просить: «Извините на этот раз! Больше не повторится!» Но отец не внимал ему и, распрощавшись с присутствующими, отбыл.

Минагава расплакалась, за ней принялись плакать и все гетеры. Положение было такое, что ничего не придумаешь, и только один из шутов, по прозвищу Дзяскэ — Темная Ночь, нисколько не растерялся. «Мужчина и нагишом сто каммэ весит. Будь он хоть в одной рубашке — не пропадет. Господин Сэйдзюро, не падай духом!» — сказал он.

Даже среди общего уныния эти слова показались забавными, и, словно они послужили закуской к вину, Сэйдзюро и Минагава снова принялись пить и в конце концов забыли о неприятностях.

Однако обращение с ними в доме свиданий совсем изменилось. Сколько они ни хлопали в ладоши, никто не отзывался; хотя пора уже было приступать к еде, кругом было тихо; когда они спросили чаю, им принесли в руках две чашки и тут же привернули фитили ламп. Отозвали и гетер одну за другой.

Увы! Подобные перемены — в обычае этих домов любви. Нам сочувствуют, только пока у нас есть хоть один золотой за пазухой.

Для судьбы Минагавы все это было печально. Когда все ушли, она залилась слезами. Тут и Сэйдзюро совсем приуныл и решился даже расстаться с жизнью. Он лишь опасался, что Минагава скажет: «И я тоже!»

Пока он раздумывал, как поступить, Минагава, подметив выражение его лица, сказала: «Вижу, что вы собираетесь свести счеты с жизнью. Это очень неразумно. Хотела бы и я последовать за вами, но что поделаешь: жаль оставлять этот мир. Мое занятие таково, что чувства мои — на срок. Поэтому все, что было, — минуло, как давний сон. И нашей связи на этом конец».

Тут она поднялась и вышла.

Вот уж этого он не ожидал. Хоть она и гетера, но так порвать прежнюю близость... что за ничтожная душа! Нет, обычная женщина не смогла бы так поступить. С этими мыслями он, весь в слезах, собирался покинуть дом свиданий.

В этот момент Минагава, уже переодевшись в белую одежду, вбежала и вцепилась в Сэйдзюро:

— Куда же вы уходите, не покончив с жизнью? Нет, если умереть, то сейчас! — и вынула две бритвы.

Сэйдзюро обрадовался, но тут явились люди и оттащили их друг от друга. Минагава должна была вернуться к хозяину, а Сэйдзюро был отправлен под охраной в храм Эйкоин, покровительствующий его семье.

— Послужит прощению дома Идзуми, — сказали при этом.

Сэйдзюро было в то время девятнадцать лет. Поистине достойно сожаления, что он должен был стать монахом.

Письма из пояса с потайным швом

— Слыхали? Вот сейчас только это случилось!
К лекарю! За лекарством!

Спросили, из-за чего такой переполох. Оказалось, что Минагава покончила с собой. Печаль охватила всех. Некоторое время надеялись, что ее можно спасти, но вот сообщили: все кончено.

В самом деле, в нашей жизни от судьбы не уйдешь. Больше десяти дней скрывали это от Сэйдзюро, и он, упустив случай поступить так же, влачил безрадостное существование.

Наконец от матери пришло известие о случившемся. Все ему опостылело, и он тайно покинул храм Эйкоин. В Химэдзи, в той же провинции, жил человек, близкий дому Идзуми. Сэйдзюро украдкой пробрался к нему, чтобы разузнать положение. А тот, видимо, вспомнил, что в свое время Идзуми оказали ему услугу, и принял Сэйдзюро неплохо.

Шли дни. Между тем в доме некоего Тадзимая Кюэмона понадобился приказчик для ведения дел. Хозяин Сэйдзюро, исполненный забот о его будущем, похлопотал, и Сэйдзюро впервые пошел служить в люди.

Воспитание у Сэйдзюро было благородное, он имел добрый нрав и отличался умом. Особенно привлекала женщин его мужественная красота. Но в то время он не думал об этом и, пресыщенный любовью, помыслы свои днем и ночью отдавал службе. В конце концов хозяин вверил ему все дела и, радуясь, что капитал растет, смотрел на Сэйдзюро как на свою опору в будущем.

У Кюэмона была сестра по имени О-Нацу. В том году ей исполнилось шестнадцать лет, и хотя она уже подумывала о любви, однако ни за кого еще сговорена не была.

Даже в столице, не говоря уже о провинции, среди порядочных женщин не видывали такой красавицы, как О-Нацу. Была когда-то в Симабаре красавица-гетера, носившая на своей одежде живого мотылька вместо герба, так вот киотосцы уверяли, что и ее превосходила красотой О-Нацу. Больше говорить нечего: все должно быть понятно из одного этого сравнения.

Думалось, что и сердце ее должно соответствовать ее наружности.

Однажды Сэйдзюро отдал свой пояс, который носил каждый день, служанке по имени Камэ и сказал ей:

— Пояс слишком широк. Сделай, чтобы было впору.

Та принялась тут же его распарывать, смотрит — в нем клочки старых писем.

Стали читать их одно за другим — а их было штук до сорока пяти. Все они адресованы господину Сэйдзюро, подписи же разные: Укифунэ, Ханасима, Кодаю, Акаси, Уноха, Сэндзю, Тикудзэн, Тёсю, Итинодзё, Коёси, Кодзаэмон, Мацуяма, Дэва, Миёси — имена гетер из Муроцу!

В каждом письме выражалась глубокая привязанность, преданность до самой смерти; в них не было ничего неприятного — и не скажешь, что писала гетера: строчки дышали искренностью.

Если так, то и эти женщины, оказывается, вовсе не так уж плохи. Что же до Сэйдзюро, то он, как видно, имел успех в любовных делах.

И вот, раздумывая о том, что он, наверное, умел проявить и щедрость, и любопытствуя, чем могла быть вызвана такая страсть к нему множества женщин, О-Нацу сама не заметила, как влюбилась в Сэйдзюро.

С той поры днем и ночью она все помыслы отдавала ему, душа ее словно рассталась с телом и переселилась в грудь Сэйдзюро, и даже говорила как будто не она сама, а кто-то другой. Она уже не замечала весенних цветов; лунная осенняя ночь для нее была все равно что день; снег на рассвете не казался ей белым, и голос кукушки при заходе солнца не достигал ее слуха. Что праздник Бон, что Новый год — было для нее безразлично.

Наконец она совсем потеряла голову, страсть так и горела в ее взглядах, желание проявлялось в ее речах.

«И прежде бывали такие примеры. Надо бы как-нибудь помочь ей», — думали, жалея О-Нацу, ее служанки. И тем временем сами все влюбились в Сэйдзюро.

Домашняя швея уколола себя иголкой, написала кровью о том, что у нее на сердце, и послала ему. Девушка, прислуживающая в комнатах, обратилась к кому-то за помощью, и вот мужской рукой было написано послание, которое она и опустила в рукав Сэйдзюро. Горничная то и дело подавала в лавку чай, хотя там никто в нем не нуждался. Кормилица подходила к Сэйдзюро, совала ему в руки младенца, и тот оставлял свои следы у Сэйдзюро на коленях.

— Ты поскорее расти и становись таким, как господин Сэйдзюро, — говорила она. — Вот и я тоже —

родила прекрасного ребенка и пришла сюда в кормилицы. Муженек мой оказался никудышным, сейчас, говорят, отправился в Хиго, что в Кумамото, и там поступил на службу. Когда хозяйство наше распалось, я получила от него разводное письмо и теперь живу без мужа. А по правде сказать, от природы я пухленькая, рот невелик и волосы немного завиваются...

Право, смешно становилось, когда она сюсюкала, кокетничая сама с собой.

Служанки тоже надоедали — когда, бывало, с черпачком к руке разливают суп из соленого тунца, то выберут лакомые кусочки и хлопочут: это, мол, господину Сэйдзюро.

Такое внимание было ему и приятно, и досадно. Служба в лавке пошла побоку, некогда было и вздохнуть: столько приходилось рассылать писем с разными отговорками.

Вскоре и это ему опротивело, он ходил как во сне.

Между тем О-Нацу заручилась посредником и то и дело слала ему любовные письма, так что и Сэйдзюро впал в смятение. В душе он уже готов был пойти навстречу желаниям О-Нацу, но как это сделать? Дом полон людских глаз, вряд ли здесь могло что-нибудь выйти. Они только разжигали друг друга, обоих томила любовная страсть. День ото дня оба менялись в лице, спадали с тела.

Время берет свое. Дошло до того, что для них стало радостью даже слышать голос друг друга. Ведь пока есть жизнь — есть и надежда. И они думали: когда-нибудь прорастут семена, что посеяла наша любовь.

Но тут между ними встала невестка. Каждую-каждую ночь она накрепко запирает внутреннюю дверь, неусыпно следит за огнем, и вот скрип дверных роликов сделался для обоих страшнее грома небесного.

Танец в львиных масках под барабан

На вершинах гор цветут вишни, женщины хвалятся своей наружностью, матери выводят напоказ привлекательных девушек. На цветы и не смотрят, идут показать себя людям — таковы нравы нашего времени. Что ни говори, женщина — это оборотень, она способна, пожалуй, разгадать и тайные помыслы старой лисы из Химэдзи.

В доме Тадзимая все собрались в поле на весенний пикник. Женщин усадили в носилки, а следом отправили Сэйдзуро наблюдать за порядком.

Уже сосны Такасаго и Сонэ покрылись свежей хвоей, вид на песчаное побережье — как прекрасная песня.

Деревенские ребяташки разгребают граблями опавшие листья, собирают весенние грибы, срывают фиалки и цветы тростника — интересное зрелище. И все женщины наперегонки рвали молодую траву, а там, где трава растет пореже, расстелили узорчатые циновки.

Море было спокойным, багрянец вечернего солнца соперничал с цветом рукавов женских одежд. И все, кто здесь был, не думали ни о глициниях, ни о цветах яблони — их влекло заглянуть за самодельные занавески из накидок, а заглянув, они там и оставались,

забывая о возвращении домой. Откупорили бочку с вином. Опыянение — вот в чем радость! Всё в сторону, сегодня мы, женщины, — закуска к вину... словом, веселились порядком. Это был женский праздник, из мужчин — один лишь Сэйдзюро. Служанки пили вино чайными чашками, вспоминали о былом и плясали, хмельные, не хуже бабочек. Они ни о чем не заботились и наслаждались не спеша, с таким видом, словно все эти поля принадлежат им.

Но вот сбежались люди. С барабанным боем явились скоморохи. Они всегда ищут, где веселятся, и исполняют танцы в львиных масках. Все обступили их, женщины — они охотницы до развлечений — не помня себя рвались посмотреть, отталкивая друг друга, и не могли оторваться. И скоморохи в свою очередь не покидали облюбованного места и показывали все штуки, какие умели.

О-Нацу не смотрела на представление и оставалась одна за занавеской. Она сделала вид, что ей не по себе — зубы болят, кое-как подложила рукава своего кимоно в изголовье, пояс оставила незавязанным и, укрывшись за грудой в беспорядке наваленной одежды, притворно захрапела. Неприятная это была картина. Так уж умеют эти городские женщины в нужный момент позаботиться обо всем до мелочей, и в ловкости их тут не превзойдешь.

Заметив, что О-Нацу осталась одна, Сэйдзюро проскользнул к ней боковой тропинкой между густыми соснами, и О-Нацу поманила его. Прическа ее была в беспорядке, но им было не до того. Они не произнесли ни слова, сжали друг другу руки и забыли обо всем на свете. Лишь сердца у обоих трепетали от радости.

Одного они боялись: не застала бы их невестка. Поэтому они не отрывали глаз от щели в занавеске, а о том, что позади, ничуть не беспокоились. Когда же, поднявшись, оглянулись — там стоит дровосек и с наслаждением смотрит, сбросив на землю вязанку и сжимая в руках свой нож, и на лице у него словно написано: «Ай-яй-яй, вот так штука!»

Всегда так бывает в подобных делах: голову спрячешь, а хвост вылезет.

Скоморохи, увидев, что Сэйдзюро вышел из-за занавески, прервали представление на самом интересном месте, и зрители были весьма разочарованы: ведь оставалось еще многое. Но горы уже покрылись густым туманом, и солнце склонилось к западу, поэтому все возвратились в Химэдзи.

И казалось ли это только, что походка О-Нацу стала какой-то плавной?

Сэйдзюро, следуя позади всех, сказал скоморохам: «Благодарю, благодарю за сегодняшнее!» Право, услышав его, даже самый мудрый из богов не догадался бы, что празднество было ненастоящее, что все это — одна лишь уловка для отвода глаз. Где же тут проведать об истине невестке, которая дальше своего носа ничего не видела!

Скороход, оставивший в гостинице свой ящик с письмами

Поскольку корабль их, если так можно выразиться, уже отплыл от берега, Сэйдзюро решил выкрасть О-Нацу и бежать с нею в Камигату; поэтому

он торопился, чтобы до захода солнца захватить лодку, уходящую из Сикамацу. Пусть даже суждено им долгие дни терпеть нужду, вдвоем как-нибудь проживут — так они решили. Не теряя времени, переоделись и в пустой хибарке на побережье стали ждать лодку.

В путешествие каждый отправляется по-своему. Здесь и паломник, направляющийся в Исэ, и продавец бутафории из Осаки; оружейник из Нары и заклинитель из Дайго; простолюдин из Такаямы и уличный продавец москитных сеток; галантерейщик из Киото и прорицатель из храма Касимы. Словом, «десять человек — десять разных провинций». Поистине, лодка с такими людьми — интересное зрелище.

Вот кормщик громким голосом возвестил:

— Внимание! Внимание! Отправляемся! Каждый пусть вознесет про себя молитву, а сюда пожалуйста приношение для Сумиёси-сама. — Потряхивая ковшом, он пересчитал всех, кто был в лодке, и каждый — и пьющий, и непьющий — выложил по семь мон.

Котелка, чтобы подогреть сакэ, не было, в бочонок погружали суповые чашки, а закусывали сушеной летучей рыбой. От двух-трех чашек, выпитых наспех, все захмелели.

— Почтенным пассажирам удача: ветер дует нам в корму, — сказал кормщик и поднял парус.

И вот, когда отошли от берега уже более чем на ри, один пассажир, скороход из Бидзэн, неожиданно всплеснул руками: «Ох, забыл!»

Оказалось, что этот человек оставил свой ящик с письмами в гостинице, хотя и привязал его к мечу. И вот, обернувшись к берегу, он завопил:

Сайкаку И.

С 14 Пять женщин, предавшихся любви ; История любовных походов одинокой женщины : новеллы / Ихара Сайкаку ; пер. с яп. Е. Пинус, В. Марковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 352 с. : ил. + вкл. (16 с.). — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-30476-5

Новеллы японского писателя XVII в. Ихары Сайкаку завоевали признание и широкую популярность среди современников, но столетие спустя правительство страны внесло их в список запрещенных книг. Стремление к свободному проявлению чувств, воспетое Сайкаку, противоречило устоям феодального государства. Полнокровный и яркий мир земных страстей и наслаждений, пестрый быт японского города были воссозданы Сайкаку с таким мастерством, что благодаря ему развлекательный жанр *косёку-моно* (повести о любви) вышел на уровень настоящей литературы.

Знаменитые японские «веселые кварталы» были не только рассадником порока, но и центром культурной жизни города, где искусство любви соединялось с театром, поэзией, живописью и музыкой. Это были островки свободы в жестких рамках самурайской этики эпохи Токугава. И Ихара Сайкаку воспел этот неукротимый мир, как никто другой. В книгу вошли самые известные произведения «японского Боккаччо».

«Пять женщин, предавшихся любви» — пять повестей шекспировского накала, о женщинах, следующих зову сердца вопреки строгой конфуцианской морали, во времена, когда за супружескую измену полагалась смертная казнь.

«История любовных походов одинокой женщины» — исповедь бывшей куртизанки, прошедшей путь от утонченной ойран до уличной зазывалы. И хотя судьба не раз давала шанс остепениться, но страсть к любовным утехам была сильнее.

Издание украшают жанровые гравюры Нисикавы Сукэнобу.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ИХАРА САЙКАКУ

ПЯТЬ ЖЕНЩИН, ПРЕДАВШИХСЯ ЛЮБВИ

•

ИСТОРИЯ ЛЮБОВНЫХ ПОХОЖДЕНИЙ
ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова, Дмитрия Кабакова
Корректоры Ульяна Смирнова, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.09.2025.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,22 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-CEL-39646-01-R